

Глава 10: Любовь и ненависть одновременно

Сюй Цзяньцин выдохнула колечко дыма; её указательный и средний пальцы небрежно держали длинную тонкую сигарету.

Это была тонкая сигарета с ментоловой капсулой — Сюй Цзяньцин часто курила, чтобы оставаться бодрой под давлением работы.

Они курили молча, и когда сигарета была выкурена наполовину, Сюй Цзяньцин наконец нарушила тишину.

— Когда он вспомнит?

— Не знаю.

— Ты хочешь, чтобы он вспомнил?

Су Личэнь не ответил.

Сюй Цзяньцин обернулась, опираясь на балконную дверь, и посмотрела на него.

Её взгляд не был таким пронзительным, как раньше, но в глазах всё ещё читалась настороженность.

— Ты же не собираешься вечно поддерживать эту ложь?

Су Личэнь посмотрел на неё.

— Он спросил меня, почему поехал в Янчэн один, в путешествие, — сказал он.

— Я ответил, что мы поссорились.

— И он поверил?

— Поверил.

Сюй Цзяньцин помолчала мгновение.

— Это потому, что он не помнит, — сказала она.

— Если бы помнил, он бы не поверил.

Су Личэнь ничего не ответил.

Если бы Сюй Мосин не потерял память, он бы никогда не позвонил Су Личэню за помощью.

Возможно, он бы и Сюй Цзяньцин не позвонил — справился бы сам, потому что оба они постепенно оказались за пределами того круга людей, к которым Сюй Мосин мог обратиться за помощью.

Сюй Цзяньцин сделала ещё одну затяжку, выпустила дым и медленно заговорила:

— У нас похожие характеры — оба рациональные и спокойные. Мой брат очень меня любит; он, может, и не хочет этого признавать, но после выпуска он довольно сильно на меня полагался.

Возможно, ты ему нравишься отчасти из-за той же черты. Поэтому я и говорю, что симпатии и антипатии растут из одного корня. Быть спокойным и уравновешенным — значит со многим справляться самому, и потому ты не думаешь делиться с ним, а он не может многого о тебе узнать.

Особенно когда мы начинаем работать — мы все просто рабочие лошадки. Кроме сна, мы проводим с коллегами больше времени, чем со своими вторыми половинками.

После долгого дня тебе, может, и не хочется разговаривать, когда добираться до дома.

Мой брат — человек с сильной эмпатией и глубокой потребностью в признании. Поэтому у него огромное желание делиться, он много говорит и жаждет, чтобы близкие ему люди делились в ответ. Но я находила его надоедливym... и, возможно, ты тоже начал находить его надоедливym.

В глазах Су Личэня что-то мелькнуло.

— Этот парень, знаешь, он всё принимает близко к сердцу. Слишком о многом беспокоится, и это его изматывает.

Она сделала паузу.

— Конечно, он часто настроен пессимистично — жутко раздражает, — и вот к чему это привело.

Су Личэнь долго молчал, прежде чем заговорить, и голос его прозвучал низко:

— Я знаю.

В те последние полгода Су Личэнь почти полностью потерял желание делиться чем-либо с Сюй Мосином. Сюй Мосин всегда был тем, кто говорил, а Су Личэнь редко рассказывал что-то о своей жизни.

Каждый раз, когда Сюй Мосин спрашивал, он отвечал: «Всё как обычно, особо не о чем рассказывать».

Но действительно ли было не о чем рассказывать?

Раньше, даже если он ел одну и ту же еду на работе каждый день и говорил коллегам одно и то же, Су Личэнь всё равно мог болтать с Сюй Мосином часами.

«Еда сегодня была нормальной. То же, что и вчера, но начальник сегодня приготовил лучше».

Сюй Мосин всегда отвечал, как только видел сообщение.

«Ха-ха, начальник совершенствуется! Я сегодня могу уйти вовремя. Хочешь, приготовлю то блюдо, о котором ты говорил на днях?»

«Конечно, я сделаю соус. Кто первый доберётся до рынка, тот и покупает продукты».

«Окк! милашка.jpg»

Даже если каждый день был в основном одинаковым, благодаря Сюй Мосину они каждый день создавали маленькие новые воспоминания.

Когда это изменилось?

Когда это превратилось в то, что он думал, будто всё одно и то же, и поэтому не мог заставить себя что-то сказать?

Сюй Цзяньцин смотрела на него, словно он погрузился в раздумья. Затем Су Личэнь раздавил свою сигарету.

— Я знаю, что у нас обоих есть проблемы. Я был тем, кто напортачил первым.

Су Личэнь не хотел вдаваться в подробности с Сюй Цзяньцин. Сюй Цзяньцин защищала своего брата, но она тоже причинила ему боль.

Это было между ними — братом и сестрой; Су Личэнь не хотел комментировать дальше.

То, что произошло между Су Личэнем и Сюй Мосином, — они разберутся с этим сами.

Сюй Цзяньцин ничего не сказала.

Они оба смотрели вдаль, долго молча.

Когда запах дыма рассеялся, они вернулись в гостиную, сели далеко друг от друга, каждый занятый своим телефоном.

Когда Сюй Мосин проснулся, в спальне было тихо.

Он лежал некоторое время, ещё не до конца проснувшись, затем услышал голоса из гостиной — тихие, он не мог разобрать слов.

Он подтянулся, чтобы сесть, намереваясь пересест в инвалидное кресло.

Как раз в этот момент Су Личэнь, рассчитав, что Сюй Мосин проснётся примерно в это время, встал и зашёл в спальню проверить.

Сюй Мосин поднял глаза на Су Личэня и замер.

— Где моя сестра?

— Снаружи.

Су Личэнь посмотрел на него с выражением, которое Сюй Мосин не мог прочитать.

Сюй Мосин встретил его взгляд, вздрогнув.

— Что случилось?

— Ничего, — сказал Су Личэнь.

— Уже почти время ужина. Чем ты хочешь угостить свою сестру?

Су Личэнь поднял его и усадил в инвалидное кресло, затем выкатил его в гостиную.

Сюй Цзяньцин уже вернулась к своему обычному спокойному и собранному виду. Увидев, как они выходят, она отложила телефон и встала.

— Проснулся? Я схожу за едой.

Сюй Мосин сказал:

— Не нужно, дома есть еда.

Сюй Цзяньцин села обратно.

— Тогда брат Су, иди готовь. Я хочу немного поговорить с братом.

Сюй Цзяньцин была совершенно непринуждённа; в детстве её растил брат, а когда она выросла, она ела в столовой или заказывала доставку.

За все свои годы она ни разу даже рис не варила, не говоря уже о жареных блюдах.

Думая об этом, Сюй Цзяньцин чувствовала, как вина перед братом становится всё глубже.

— Сестрёнка, говори с братом помягче. Его ногам ещё нужно как следует заживать.

Су Личэнь стоял за инвалидным креслом Сюй Мосина, бросил на Сюй Цзяньцин холодный взгляд, затем наклонился и сжал руку Сюй Мосина, прежде чем уйти на кухню готовить.

Сюй Мосин подкатил кресло и остановился перед сестрой.

Сюй Цзяньцин смотрела на него, не говоря ни слова.

— Что случилось?

— Сюй Мосин почувствовал себя немного неловко под её взглядом.

— У меня что-то на лице?

— Ты так похудел, что может быть у тебя на лице?

— Сюй Цзяньцин отвела взгляд, уставившись на стакан с водой на журнальном столике.

— Нога болит?

— Нормально. Иногда немного чешется. Я не могу мыть ногу, пока не снимут гипс. К тому времени она, наверное, будет грязной и вонючей, ха-ха.

Сюй Цзяньцин достала телефон.

— Я куплю тебе маленькую чесалку для спины. Когда мышцы немного атрофируются, ты сможешь доставать ею.

— ...

Сюй Мосин просто шутил, пытаясь разрядить обстановку.

Он попытался отказаться:

— Нет, не нужно. Если понадобится, я сам куплю.

— Просто прими это. У тебя сейчас нет дохода, да и раньше ты немного зарабатывал.

Сюй Мосин на мгновение опешил. Он хотел сказать спасибо, но она махнула рукой:

— Ладно, ты всё ещё мой брат.

Сюй Цзяньцин поняла, что сказала лишнее, и остановилась.

На рабочем месте Сюй Цзяньцин не была такой бестактной; она тщательно подбирала слова, даже с подчинёнными, никогда не принижая их.

Но когда она говорила с братом, в её словах неосознанно проскальзывал разочарованный, пренебрежительный тон — словно она была в нём разочарована.

С кухни донёсся звук ножа, стучащего по разделочной доске.

В гостиной на несколько секунд воцарилась тишина.

— Прости, я не это имела в виду.

Чувства Сюй Цзяньцин к брату были сложными — даже более сложными, чем к родителям.

Сюй Цзяньцин вырастил Сюй Мосин. Когда она была маленькой, он был практически её единственной опорой.

Их родители ставили сыновей выше дочерей — и «выше дочерей» означало, что её полностью игнорировали.

Но и «благоволить сыновьям» было не совсем так, потому что их отец был никчёмным нахлебником, зависящим от жены. Это не походило на традиционную схему «мужчина работает, женщина ведёт дом»

— их отец не работал и не заботился о семье, целыми днями ошиваясь с кучей сомнительных друзей.

Играл в карты, чесал языком, а когда был в плохом настроении, бил детей и жену — таким был ежедневный распорядок отца.

Их мать была полностью погружена в образ, который сама себе создала, и никогда не пробуждалась.

С одной стороны, она была угнетена и подвергалась насилию со стороны мужа; с другой — непоколебимо поддерживала его авторитет как главы семьи.

Она даже защищала его авторитет более яростно, чем он сам.

Потому что его авторитет был оправданием её страданий. Если бы он пал, вся история её жизни рухнула бы.

Её любовь к детям была извращённой и ядовитой.

В её глазах дети никогда не были независимыми личностями — лишь сценическим реквизитом в трагедии её жизни.

Когда они были маленькими, они служили реквизитом, на котором она срывала своё раздражение; когда выросли — стали реквизитом для поддержания иллюзии полноценной семьи. Она не хотела разрушать эту «полноценную» семью и не позволила бы своим детям сделать это!

И главным реквизитом, игравшим эту роль, был Сюй Мосин; Сюй Цзяньцин была лишь второстепенной мыслью.

□ Глава подготовлена командой Webnovels

Нашли ошибку или неточность? Напишите в комментариях — подарим вам бесплатную главу □

Спасибо, что читаете нас □

<http://bllate.org/book/18985/1868979>